

*Мархабат**Байцун*

ГАМБУРГСКИЕ КАЗАХИ

Зима девяносто пятого года лишь пару раз показала свой характер, напоми-
навший обманные уловки женщины со скверными привычками. Куцые метели
толком и разгуляться не успели, как суховатая весна дала о себе знать.

Жители аула Коктерек, расслабившись, теперь вспоминали о заготовке сена с
пренебрежением. Овцы и коровы в загонах сунули было головы в запасы сухой
травы, но вскоре тоже стали высокомерно морщиться. В воздухе пахло весной,
пробивающейся из земли молодой травой – и кучи сена лежали нетронутыми.

Между Коктереком и Гамбургом было ровно шесть километров и шестьсот
пятьдесят метров. Это расстояние вычислил, отчеканивая цифры на немецкий
манер, Натибек, житель первого дома аула Коктерек, когда вдоль новой асфаль-
товой дороги прокладывали арык.

О том, что несколько семей местных немцев уезжают из Гамбурга, Натибек
услышал не от кого-нибудь, а от своей жены Патимы.

Стояли последние дни сухого, не видевшего дождя апреля. Покончив с утрен-
ними хлопотами, Натибек вместе с Патимой устроились пить чай. Неожиданно
чай быстро остыл. Заподозрив, что это случилось, потому что Патима вместо
кускового сахара насыпала в чашки сахар-песок, Натибек внимательно посмо-
трел на нее. Она сидела, немного склонившись набок, чтобы была возможность
смотреть в сторону далекого аула, где проживала ее родня.

– А Немеребай и Шоберебай в Чимкенте взяли каждый по квартире, – про-
говорила Патима.

Пару минут назад она сообщила о немцах, уезжающих из Гамбурга, но тогда
муж на ее слова не отреагировал.

– Взяли так взяли, – буркнул он, не в силах больше молчать. – Накопили денег,
значит, когда один работал парторгом, другой – бухгалтером.

– Они уже торгуются с Гансом за дом в Гамбурге, – добавила Патима.

Натибек чуть не выронил синюю пиалу с изображением цветущего хлопка,
в которую он только что налил чай. Он поднес ее к губам и судорожно сделал
большой глоток. Чай был горячим, но он не хотел, чтобы это заметила его вражья
половина. А чай-наглец двинулся дальше, все обжигая на своем пути.

Слезы брызнули из глаз.

Патима, словно разглядев родных по ту сторону Туркестана, застыла, уста-
вившись в одну точку.

Учителя-историки из местной десятилетней школы через год после обретения Казахстаном независимости убедительно доказали, что аул Коктерек получил свое название две с половиной тысячи лет назад.

Немцев доставили сюда холодной осенью сорок первого года. Как и везде, в Казахстане их называли «переселенцами». В один из тех морозных дней ближе к полудню центральное место на станции заполнили ступенчатые и крытые повозки. В них посадили всех немцев, и пожилых, и тех, кто был с семьями, а затем по распоряжению руководителей райкома отправили в отдаленные аулы.

И по сей день люди удивляются, слушая рассказы местных казахов. Пощелкивая языком в знак восхищения, те вспоминали, что и при посадке из поезда, и при погрузке на повозки немцы, сколь много их ни было, а точнее, сколь много ни было обремененных детьми семей, все сохраняли поразительную тишину и взаимопонимание. Никто ни разу не нарушил установленного порядка. Ни звука не проронили они тогда!

Конечно, казахи, когда что-то рассказывают, чуть-чуть присочиняют, немного бахвалются или передергивают факты. Однако одной из крытых повозок в то время владел Несипбай, покойный ныне отец еще не родившегося тогда Натибека. Этот человек был одним из тех, кто оказался тогда на станции. Вот он и качал головой выразительнее всех и прищелкивал языком. По его словам, слышались лишь приказы начальников да слабое фырканье изможденных коней. Вокруг стояла тишина. И когда поезд остановился, и когда немцы стали выходить из вагонов, и когда их повезли в сторону аулов, тишина сопровождала обоз. Слышался только скрип да дребезжание повозок. И ничего больше.

Переселенцев, как и повсюду, расселили по домам казахов, поделив на группы. Так как Коктерек был крупнее и жизнеспособнее, чем другие аулы, туда и немцев привезли больше, чем в другие селения. Приезжие жили в тесном общении с казахами до самого наступления весны. А в сорок втором году, добившись большого надела в Коктереке на склоне горы и во впадине на равнине, переселенцы начали обустриваться по-своему. Поселок официально назывался «Бирлик» – «Единство», а казахи между собой называли его «Гамбургом».

В дома Коктерека похоронки сыпались прямо как снег в бурную погоду. Жители аула и в годы войны ходили, плача и причитая, и в послевоенный период никак не могли выйти из горестного, полуобморочного состояния. С головой погружаясь в свои переживания и в работу, казахи даже не заметили, как вырос, расширился и преобразился до неузнаваемости немецкий аул.

Будем справедливы, немцы Гамбурга оказали Коктереку большущую помощь. Спешное возведение домов, строительство молочных и прочих ферм с мудреным оборудованием, разведение свиней и птицы, ремонт тракторов, комбайнов и прочей техники – всецело решались немцами. Немцы Гамбурга, да и переселенцы других мест, всегда избегали сплетен и лжи, не били себя в грудь, а пустого чванства знать не знали. Одинаково ровно, с толком и расстановкой справлялись они как с колхозным хозяйством, так и со своими домашними делами.

Коктерек тоже сильно изменился. По сравнению с другими аулами он заметно выправился и много что приобрел. Налицо было если не внутреннее, то внешнее поощрение немцам.

Только теперь Натибек узнал, что государство, называемое Германией, некоторые путали с Албанией. Но Албания совершенно другая страна. Многие люди до сих пор не понимали этого. Мгновенно прокрутив все эти обстоятельства в разгоряченном мозгу, Натибек, так и не справившись с ошпаренным языком, пробормотал:

– Это правда? Ганс Вайслер действительно переезжает? В Албанию?

– Еще какая правда! Да, твой дружок Вайслер собирается уехать. В Германию или Албанию, откуда мне это знать? – грозно сказала с прежним ожесточением его жена-язва, которую звали Патима.

Ганс Вайслер жил не просто в низине старого Гамбурга, он жил в самой глубокой ее части. Как известно, в горно-холмистой местности участки в долинах бывают особенно живописными.

И вот как-то вечером прошлогодного лета Натибек ехал на машине, недавно доставшейся ему от старшего сына, который по службе часто отлучался в районный центр, где успел неплохо зарекомендовать себя. Ехал-ехал и повернул к дому Ганса, чтобы поздороваться. Ганс, по наблюдению Натибека, будучи некрасивым, отличался крепким телосложением, косой саженью в плечах и имел сильные руки-ноги. Он вместе с радостно улыбающейся женой Хильдой, стройной, как тополек, приветливо встретил гостей. Еще бы не радоваться! В давнюю суровую осень сорок первого года среди тех, кого привез в крытой арбе аксакал Несипбай, находились отец и мать Хильды. Они ту памятную зиму пережили в его доме.

А много позже, ближе к сегодняшним дням, ныне покойный Несипбай и родители Хильды чуть не стали сватами. Да и Натибек не прочь был заключить брак. Но длинноватый, несколько заостренный нос Хильды частенько шелушился и краснел. Только это сдерживало его. И пока Натибек ходил в задумчивости, на глаза ему попала Патима, которая приехала к старшей сестре из дальнего Кыргызстана, осилив перевал Туриктау. То, что лицо и фигура нынешней жены показались ему неотразимыми, чистейшая правда. Девушка Хильда тоже не была против общения, но после одного-единственного танца на вечере она раз и навсегда выбрала Ганса. Он бросал на нее пыльные взгляды и бесконечно приглашал на танец. Как можно было перед этим устоять?

Когда Натибек со старшим сыном вошли во двор, Ганс и Хильда сидели на шикарных, как в кино, креслах около стоявшего посередине двора красивого столика, взятого словно со старинной картины. Оба встали и учтиво встретили гостей.

Натибек с сыном присоединились к чаепитию. Конечно, им предложили не только чай с сахаром. Натибека бросило в пот от нескольких чашек, а старший сын, постеснявшись, отказался от угощения. И не забыл Натибек, что он тогда подумал: «А как выглядел бы мой первенец, если бы рядом со мной оказалась не Патима, а Хильда?»

– Я только что купил новую машину, – возвестил Натибек, вволю напившись чая. – Предлагаю на нее глянуть. Гони, Хильдажан, подарок за смотрины!

– А что твоя душенька желает? Объяви во всеуслышание, а уж мы расстаемся! – парировала Хильда, вытирая руки передником. – Что выберешь, то и возьмешь.

– Мой выбор – тонкий слух, зоркий глаз и золотые руки Ганса, – сказал Натибек. – Пусть твой муж прослушает молодое сердце «Жигулей», прощупает печень, легкие... И пусть это будет вашим подарком.

– Тогда почему ты не скажешь ему об этом сам, а спрашиваешь меня? – ответила Хильда.

– Разве Ганс не в твоём подчинении? Или не ты главная в доме?

– Ой, не надо! Твой сверстник нынче тоже поет: хочу токал, хочу младшую жену!

– У нашей Патимы есть две сестренки, которые не могут выйти замуж. Давайте породнимся, станем свояками! – воскликнул Натибек.

– Предлагаешь это ради обслуживания машины или от души? – спросила Хильда.

– В наше время без расчета не обойтись.

– Это правда, что Натибек чуть не женился на тебе? – со смехом вмешался в разговор Ганс Вайслер.

– Почему только в наше время? Натекен рассчитывать начал давно, – сказала Хильда. – Рассчитав, он женился на Патекен.

– Мы, кажется, далеко зашли. Не будем злоупотреблять терпением Ганса, все замнем для ясности, – сказал Натибек.

– Ох, хитрец, боишься, что Патекен услышит?

Все вышли на улицу, чтобы осмотреть новую машину. Ганс и Хильда искренне радовались. Натибек, растягивая удовольствие, снова и снова вдыхал запах новой легковушки.

– Стоп, по такому случаю грех не принять по сто грамм, – сказал Ганс.

Все снова зашли во дворик. Натибек с сыном вновь огляделись и опять искренне удивились. И двери изящные, будто сказочные. И окна украшены золотой резьбой. Тут и баня, погружающая вас в такое удовольствие, которое и во сне не приснится. А вот кладовая. Рядом пристройка – склад, поблизости еще пристройка для чего-то, чуть в стороне хорошо оборудованный сарай для скота. Между домом и одной из пристроек вверх тянется ровно высаженный виноград, у которого даже обильная листва соблюдала порядок. Плодов на садовых деревьях пока не было видно, похоже, их тоже посадили, рассчитав ожидаемый урожай.

Люди утверждали, а личный опыт и общение подтверждали это – у немецких поселенцев сараи для скота и хозяйственные пристройки выглядели представительнее, чем свое жилище. Балагуры Коктобе говорили так: «Перед дверью немецких домов стоят коровы, овцы и козы, свиньи и другая живность, а от чистоты в доме невозможно отвести удивленного взгляда». Особенно повезло коровам: и вода, и измельченное сено, и комбикорм – все это в строго положенных порциях, в автоматически точно рассчитанное время через специальные приспособления разливалось, рассыпалось и выкладывалось перед скотом.

К примеру, стоило нажать на сероватую кнопку, как тихо-мирно, без треска и шума и вообще без какого-либо звука насыпался корм в нужном количестве. Если нажать на голубую кнопку, то в продолговатую баклажку сразу наливалась исключительно чистая вода. А на розовую – в воздухе начинал витать не самый приятный запах, потому как свежий коровий помет тут же автоматически быстро и аккуратно выметался и сразу удалялся из помещения. Неудивительно, что шкура у этих коров, хоть белого, хоть черного окраса, блестела чистотой, к ним и пылинки не приставала. Овцы, козы, свиньи, утки и гуси – все выглядели как-то по-особенному. Воспитанные были, что ли? Или породистые? Словом – необычные.

Так вот, все только что сказанное у Вайслера проявлялось с особым шиком.

Когда Ганс с Хильдой и Натибек с сыном, налюбовавшись новой машиной, снова вернулись во двор, то распили бутылку замечательного вина. Немцы, особенно односельчане из Гамбурга, не отличались пристрастием к водке, даже вино пробовали по чуть-чуть, да и то очень редко. Могли пригубить только проверенный напиток собственного изготовления. Натибек налил себе вина и, наплевав на условности, залпом осушил фужер. Затем обвел окружающих испытующим взглядом.

– Ты чего, дружок, уставился на нас, как будто в первый раз видишь? Глаз у тебя недобрый, сплюнь, – сказала Хильда с присущей ей привычкой подмечать всякие мелочи.

– Какое имя у вашей коровы? А-а-а... как ее зовут?

– Эра.

– Говорят, что твоя Эра знает языки. Это правда?

– Еще как знает! Три раза отелилась, и три языка знает наша Эра, – ответила Хильда.

– Ой, да что ты говоришь? Хотя с тобой спорить или что-то доказывать бесполезно! – Натибек поднялся с места.

– Ты же сам спросил. Не отвечу, обидишься, – сказала Хильда. – Наша Эра ведет родословную от казахской белоголовой коровы! Поэтому хорошо понимает казахский язык. Но ее бабушку купили у русских жителей. Как ей не понимать и этот язык тоже? Верно я говорю? А с рождения она получала только немецкое воспитание. Поэтому ее сегодняшние способности вычисляй сам. Разве ты не силен в расчетах? Если не можешь, то Патекен попроси о помощи.

– Хочешь сказать – отправляйся к Патиме?

– Э, не-ет! Я никого никуда не отправляю. Если хотите, то можете заночевать здесь. Решай сам. А твоему другу я хочу сказать, что пришло время давать корм скоту.

– Нет-нет, мы уходим, – сказал Натибек. – Пока эта ведьма нас не съела, надо уносить ноги! Спасибо тебе, Гансик, друг мой!

– Идем, идем, поздоровайся с Эрой, – предложила Хильда. – Заодно посмотрим тебе в глаза. Так ли они злы, как говорят? Нас не напугаешь, достаточно сплюнуть – и сглаза как не бывало!

– Что же, посмотрим, – согласился Натибек и твердо зашагал по сверкающей бетонной дорожке, ведущей к ферме. Приблизившись, он по указанию Хильды несколько раз вытер ноги. А Ганс накинул на плечи Натибека белый халат. Только после этих процедур они вошли в коровник.

Вошли. И Натибек застыл на месте, не в силах отвести от красавицы коровы прищуренных глаз. Это была не корова, а картинка! То есть корова с картинки.

У нее блестели бока, словно мраморные. Таких коров можно было увидеть только в телевизионной рекламе или на сверкающих обложках глянцевого журналов, но никак не в Коктереке.

– Эра, это наш друг, которого зовут Натибек, мы тебе о нем рассказывали, – сообщила Хильда корове. – Он живет в Коктереке. Прошу познакомиться. Ну, смелее!

Эра на полном серьезе обернулась и посмотрела, будто бы кивнув. Не ограничиваясь этим, она с довольным видом тихо промычала.

– Ты понял? Это она поздоровалась по-казахски, – добавила Хильда, еще больше разжигая интерес Натибека.

Ему ничего не оставалось, как согласиться.

...Именно об этом он вспомнил сейчас, поставив пиалу на стол. Жена, управившись с делами, молча удалилась.

«Что затевает мой дружок Ганс? Почему Немеребай и Шоберебай узнали о переезде раньше нас? Почему они начали торговаться раньше меня?» – подумал он. Вначале он хотел поговорить обо всем решительно, но, во-первых, побаивался Патиму, во-вторых, она и не собиралась держать язык за зубами.

Перебрав в уме события последних дней, он понял, что совсем перестал видеться с Гансом и Хильдой. Молока на ферме почти не оставалось. Управление частным сельхозпредприятием перешло к другим людям. Бывший секретарь парткома Немеребай, так же как и бывший главный бухгалтер Шоберебай, оставили работу и стали часто выезжать в город. А бывший главный экономист Натибек пристроился к молочно-товарной ферме. Недавно появившиеся здесь новые люди не позволяли вмешиваться и во внутренние дела сельхозпредприятия, и в работу конторы. Уж очень сильно поменялся этот мир!

И все-таки именно Натибека, Немеребая и Шоберебая считали богатыми баями, которые сумели всех опередить. Они смогли подняться на вершину благополучия, отыскав выгодный путь в сумбурной неразберихе тех лет, правильно всё рассчитав и распределив силы. Все трое. Конечно, как сказала Патима, оценивая перспективу, если двое из них уже купили новые квартиры в Чимкенте, то, значит, они опередили Натибека. Пускай это его не волновало, но он не собирался сидеть и смотреть, как поместье Ганса Вайслера выкупит кто-то из этих двоих. Ни в коем случае. Что ни говори, не станет Патима просто так выходить из себя, ожесточаться, какой бы конфликтной ни была она по характеру. «Гонора и гордыни в ней достаточно, как и у всей ее кыргызской родни по матери» – бормоча про себя и охлаждая слюной обожженный язык, Натибек глубоко задумался.

До Гамбурга он добрался только ближе к вечеру. Прошло полтора дня, как Ганс вернулся из дальней поездки. Хильда приболела.

– Мы, Натибек, и вправду переезжаем, – вздохнув, сказал Ганс. – Ты же знаешь, моя дочь в Москве работает на большой должности. Все-таки она нас уговорила. Переезжаем, браток. Нам надо срочно упаковаться до конца этой недели. Хорошо, что ты пришел, поговорим немного. С завтрашнего дня и минуты покоя не будет.

Чувства Натибека закружились как вихрь.

Казалось, без Ганса жизнь в Гамбурге потеряет всякий смысл. А Хильда, неужели она уедет навсегда? Они ведь стали друг для друга ближе самых близких родственников. И вот они, надо же, уезжают?! Как же без них сладится работа на молочно-товарной ферме? Он вспомнил, сколько комбайнов оказалось не у дел, когда всего лишь одна семья немцев уехала из села.

За этим вихрем чувств, за смятением обозначился и холодный расчет, но, отодвинув его на время, он спросил:

– Скажи по правде, Ганс, не собираются ли наши немецкие односельчане в конце концов все до одного уехать отсюда?

– Неизвестно, – ответил Ганс. – Скажу тебе то, что знаю. Говорят, после нас уедут Франц и Эрих с семьями. В будущем году собираются переезжать Андрей и Давыд. Оба Цихлера согласились уехать раньше, а может быть, вместе с нами. А разные там уличные недоумки, вполне вероятно, совсем не уедут. Хочешь пересчитать тех, кто останется? Тебе это надо?

– Нет-нет, я просто так спросил. В позапрошлом году переехали всего два-три немца, а сколько комбайнов осталось стоять без дела? Да что там комбайны, такая пустота образовалась вокруг.

Ганс снова сокрушенно вздохнул.

Своевольный ветер стих, наступила вечерняя тишина. В иссушенном небе как будто виделись сомнительные вестники близкого дождя. Оба приятеля то и дело с надеждой посматривали вверх. Где-то в районе Казыкурта, а может, чуть ближе возникла серовато-сизая туча с фиолетовым оттенком.

– Мне надо быстрее продать дом и все хозяйство, – сказал Ганс.

– Что?! – вздрогнув, спросил Натибек. Он растерянно встал и снова сел, пытаясь взять себя в руки. Даже улыбнулся для приличия.

– Ко мне приезжал Немеребай, – сообщил Ганс. Натибек снова встрепетнулся.

– Шоберебай тоже заходил, – добавил Ганс.

Натибек основательно всполошился. Дернулся как рыба, попавшая в сети. Ловя ртом прохладный воздух вечернего ветерка, он часто задышал, чувствуя под лопатками то озноб, то жар.

Ганс Вайслер выложил все как на духу. Стало ясно, что он не ставит целью специально накручивать до небес цену на имущество, ссылаясь на Немеребая с Шоберебаем в придачу.

Немцы – люди организованные и дотошные. Они всегда поддерживали друг друга. Фальшиво не лебезили, ни перед кем не заискивали. Что ни говори, а его друг Ганс, искренне сочувствуя ему, как близкому человеку, раскрыв все карты, настойчиво подводил к мысли – найди средства и возьми всё это себе, стань хозяином образцового жилья и добротного хозяйства.

Лицо Хильды всегда казалось дружелюбным, но сегодня на нем угадывались следы печали. Как ни пыталась она это скрыть, но сегодня у нее ничего не получалось. Чай она подавала медленнее, чем обычно.

Принесла она вино и другие напитки. Ганс быстро разлил спиртное. Натибек не заставил себя уговаривать, быстро выпил, потом добавил еще.

– Дорогой Ганс! – сказал он, подождав, пока доброе вино, приятно пощипывая и согревая душу, растекалось по телу, щекоча мозги. – Ты меня понимаешь с полуслова, я тебя тоже. Признаюсь, я нигде не видел такого шикарного дома, как у тебя. За излишек богатства никого не упрекаю и не завидую. Никому. И ты меня понимаешь. Но я не очень приветствую, когда такие людишки, как Немеребай, считают себя хозяевами жизни. Уловил мою мысль? А если на твою сказку уже наложил лапу ненасытный Шоберебай, то я могу серьезно затосковать.

Ганс усмехнулся. Чувствуя себя неудобно, он слегка поскреб затылок.

– Ты понял, к чему я веду? – спросил Натибек. – Наверное, понял, раз по-казахски чешешь затылок.

– Вы же три родственника! – сказал Ганс. – А мне, видишь ли, не очень-то нравится обсуждать кого-то за его спиной.

– Этого я тоже не люблю, просто поделиться хочу своими мыслями.

– В принципе, вы все трое для меня одинаковы. Но если вы с Патимой возьмете мой дом, то я, конечно, обрадуюсь. И на новом месте тогда буду жить со спокойной душой.

– Ой, хороший ты человек! – сказал Натибек Несипбайулы Гансу Вайслеру и расцеловал в обе щеки. – Где ты, Хильдажан! Дай я тебя поцелую от чистого сердца! Вы же уезжаете, совсем скоро уезжаете...

– Летний грипп жутко заразный, – промолвила Хильда, сев несколько поодаль. – Ты не видишь – я гриппую. Да, в таком взволнованном состоянии я видела тебя, пожалуй, лет пятьдесят назад!

– С моей языкастой язвой лучше на эту тему не говорить и не спорить, толку не будет, – заявил Натибек. – Итак, дружище, скажи-ка окончательную цену своего дома.

– Тебе известно, что мы работаем без хитрых уловок, – сказал Ганс Вайслер, жуя зеленый лук. – Не забываем про свои интересы, всегда вовремя платим долги. Я называю тебе свою окончательную, точно выверенную цену: семь тысяч долларов.

В затылке у Натибека что-то екнуло. Мгновенно переведя в тенге, он мысленно представил себе, сколько получилось. Для такого роскошного дома это было вроде бы не так уж и дорого.

А Ганс продолжал говорить.

– У дорогих мне казахов плохих пословиц нет. Особенно мне запомнилась эта: «С каждым воздержанием достатка больше». Жаль, времени у меня не осталось, а то можно было бы тут развернуться.

Натибек знал, что Вайслер держит слово, никогда не вступает в пустые споры. Он надолго задумался, погрузившись в молчание.

Цветы карагача уже начали сохнуть. Тем не менее от их крепкого благоухания стала кружиться голова. Он подумал о старшем сыне, затем вспомнил младшего, который имел свое малое предприятие. Мысленно представив себе родственников жены, перевел глаза в сторону Туркитау. Пришло еще одно видение, которое перенесло его за Ташкент и помахало крыльями. И Натибек понял, что надо кое-что сделать, чтобы потом не раскаиваться. Пока немощь не осилила.

Ганс, почувствовав, что нужно чем-то разрядить молчание, стал напевать песню Шамши Калдаякова «Моей матери».

Натибек, сразу ожив, почти выкрикнул:

– Ганс! Хватит ли твоего терпенья на три дня и три ночи? Подождешь?!

– Подожду. Если ты и вправду намерен решить вопрос, почему не подождать?

– твердо ответил Вайслер.

– Слушай, Натибек! Вы что, правда, берете наш дом? Если да, тогда, знаешь, я нашу Эру никому не продам. Я подарю ее Патиме, – сказала Хильда и покашляла в сторону.

– Всё, всё! От души благодарю вас, дорогие мои! Если через три дня не достану денег – буду сам виноват. Значит, не судьба! Если Немекен или Шобекен посулят тебе что-то сверху, а ты согласишься, то вспомни, что ты обещал мне, а слово надо держать!

Сказав это, Натибек скрылся в темноте.

Той ночью покапал небольшой дождь. Совсем немного, так что надежды на далекую тучу, видимую в безлунной ночи, не оправдались. Зато по ту сторону Туриктау, в Кыргызстане, он лил как из ведра.

Спозаранку Патима, затянув пояс потуже, отправилась за помощью к младшему брату, работавшему в Кыргызстане на руднике, что находился в ведении Таласского управления.

Старший сын, занимавший небольшую должность в районном центре, отправился к тестю, который владел заводом в городе Чиназ Сырдарьинской области независимой Республики Узбекистан.

Словом, когда миновали три дня и наступил четвертый, Натибек, собрав сумму в семь тысяч долларов, поспешил к Гансу Вайслеру.

Проводы немецких односельчан оказались трудным делом. Не было там человека, кто бы не расчувствовался, не приложил платок к глазам, вытирая слезы. И как тут диву не даваться, если вспомнить, как холодной осенью далекого сорок первого года на множество повозок, заполнивших станцию, сажали сотни и сотни немцев, среди которых было немало стариков, детей, и никто из них не издал звука! А теперь вот всего три-четыре семьи переезжают, но они со всеми по-казахски плачут, шумят и обнимаются. Нелегкой оказалась разлука.

– Вот, видите, вам тоже, кажется, кое-что передалось от казахов. Видите?! – кричал Натибек и плакал навзрыд.

Патима и Хильда так обнялись, что их насилу смогли оторвать друг от друга.

После проводов по истечении трех-четырёх дней Натибек и Патима вместе с кучей своих внуков перебрались из Коктерека в Гамбург. Чуть раньше Натибека в Гамбурге поселились Немеребай и Шоберебай. Немеребай стал хозяином дома Адольфа Цихлера, который не очень уступал гансовскому, а Шоберебай вселился в дом Андрея Цихлера.

Купить корову-красавицу Эру пожелало немало и немцев, и казахов, и русских, и даже турок. Однако Хильда осталась верна своему слову и доверила Патиме свою любимицу, свою ведерницу, чье молоко лилось рекой, а сама она блистала, как алмаз. Кажется, Эра раньше людей почувствовала, что Хильда собирается уезжать. Когда она, взмахнув ресницами, опустила глаза, из них покатались крупные слезинки. Патима, обычно замкнутая и невозмутимая, не сдержалась и заплакала в три ручья.

Переехав в Гамбург, Немеребай и Шоберебай изменились, стали не как прежде, а намного чаще навещаться к Натибеку.

– Натибеку Вайслеру пламенный привет от большого Цихлера! – сказал Немеребай, открывая калитку дома.

– Гутен абенд, херр Натибек Вайслер! – воскликнул Шоберебай. – Их хабе Шоберебай Цихлер!

Патима старалась подражать своей обожаемой подруге и ровеснице Хильде. Не впуская Немерикена и Шобекена вовнутрь дома, она поставила во дворе изящный столик, куда принесла чайную посуду. Все три хозяина, копируя немецкую выдержку, тоже не стали соваться туда, куда не звали. И ели чинно, и пили в меру.

На первой встрече обсуждали, как нужно содержать приобретенные дома, и, как пишут в газетах и говорят по телевизору, состоялся обмен мнениями по ряду других вопросов.

На следующую встречу Немеребай и Шоберебай примчались в возбужденном, несколько растерянном состоянии. Немерикен сообщил, что три его яблони начали засыхать. А Шобекен поведал о том, что аккуратно высаженный в ряд виноград

весь покрылся чем-то белесым. Да и Натибек сокрушенно вздохнул, как бы говоря этим, что и его двор потерял былую привлекательность.

– А вчера мой младший взял и испортил что-то на ферме, – с горечью сообщил Шоберебай. – Когда телевизор начинал барахлить, он обычно приводил его в «порядок» кулаком. А тут на ферме вышел из строя аппарат для нарезки сена, так он двинул по нему обухом топора. Вот и превратил механизм в кучу металлолома. Ох, стервец, не зря говорят, «отцовский скот не станет добром для сына». Так и тут!

– Кстати, мне вспомнился один разговор десятилетней давности, – сказал Немеребай.

– У немцев слово краткое, а дело не шаткое, как бы твой разговор не затянулся, – перебил его Шоберебай.

Но Натибек поддержал:

– Говори, говори.

– Краткий у меня сказ, а вы перебиваете, – проворчал Немеребай. – Дай бог памяти, точно, десять лет назад в аул Нурлысу заехал Дулат Исабеков, который стал сегодня известным писателем. Он же в этом ауле родился. Во время войны они поселились в Нурлысу, а после того как Дулат родился, они, не задерживаясь, снова перебрались в Монтайтас. Словом, наш живой классик побывал в гостях у кумысодела Касымбека. Как положено, районное начальство явилось, я тоже там был на подхвате.

– О ком говоришь? – спросил Шобекен.

– О Дулате Исабекове речь. Писатель такой, драматург – один из самых известных, – пояснил Натибек. – Не знаешь, что ли?

– Еще как знаю! С журналистом Даулетом Исабекулы я хорошо знаком, – торпливо ответил Шоберебай.

– Да не-ет, Дулат Исабеков – это один человек, а Даулет Исабеков – совершенно другой! – начал пояснять Немеребай.

– Разве эти двое не одно и то же лицо?

– Ну-у, брат, ты, оказывается, книг не читаешь?! Разве можно Дулата Исабекова с кем-то спутать?

– Постой, постой! Давай не будем говорить «с кем-то». Что это еще за выражение «с кем-то»? Даулет Исабеков тоже небезызвестный деятель. Он сейчас не просто кто-то, а видный хаджи-паломник! Хаджи-и-и! Понятно?

– Понятно. Подписывается он как Даулет хаджи Исабекулы. Что еще? Характер неумный, издал несколько календарей. Вполне вероятно, что он хороший человек, и хаджи стоящий. Но речь не о нем! Мы говорим о драматурге Дулате Исабекове!

Спор между Немеребаем и Шобекеном переходил в нескончаемое словопрение. Натибек, не выдержав, спросил:

– Немеребай, о чем ты собирался рассказать в самом начале?

– Хотел привести одно устное замечание Дулата Исабекова, сказанное им по прибытии в аул Нурлысу. Но вы же не даете мне возможности сказать.

– Ладно, говори. – Шобекен замолчал. – Не будем приплетать сюда хаджи. А ты можешь хвалить своего Дулата.

– Итак, – сказал Немеребай, – Дулат Исабеков в доме кумысодела Касымбека выразился так: «Немцы – особенный народ. Много лет назад в верхней части

Алматы мы купили дачу у одного немца. За три последующих года мы еле-еле смогли казахизировать эту дачу». Вот и весь сказ.

Шобекен разразился оглушительным хохотом, Натибек тоже затрясся от смеха.

– За три года мы еле-еле смогли казахизировать, ух, ха-ха! – не унимался Шобекен.

– Прошу прощения, я, оказывается, действительно не знаю этого писателя. О-хо-хо, с сегодняшнего дня я его поклонник! Видите, как глубоко таится смысл в слове?!

К концу третьей недели Патима, разделив всех женщин Коктерека на три группы, трижды приглашала их в гости и угощала. Только после этого она почувствовала облегчение, будто тяжкий груз сбросила с плеч, обрела покой и хорошее настроение. Приходившие на эти застолья женщины, по десять-пятнадцать человек за один раз, всему удивляясь, обходили дом, любуясь обстановкой, пробуя предметы на ощупь, а угощения на вкус, поглаживая и примеряясь, впадали в блаженное состояние.

При виде Эры некоторые женщины едва не падали в обморок. Немного нарушено было указание Натибека – никого не подпускать к целиком механизированной ферме. К тому же не хватало халатов, чтобы надеть их на всех женщин. Словом, за три посещения женщины Коктерека существенно казахизировали дом и хозяйственные дворы Ганса Вайслера, а нынче Натибека Несипбайулы.

Четвертая неделя прошла спокойно, без каких-либо заметных приключений. Беда пришла на пятую неделю. Внезапно Эра заболела. Ее замучили запоры, и, как ветеринары ни бились, какие лекарства ни давали, всё было бесполезно.

Красивая корова стояла на ногах, будто проглотившая скалку. Она выглядела неухоженной, скоро ее облик стал такой же невзрачный, как у коктерекских коров. Шли пересуды: «Сглазили, однако», «Может, по прежним хозяевам сохнет?», «Уж не съела ли что-то непотребное?».

Натибек прямо заявил Патиме:

– Ты виновата!

На что жена ответила:

– Ты сам не ухаживал за ней так, как Ганс, – несмотря на решительный, взрывной характер, Патекек не выдержав, горько заголосила, как верблюжонок в горе: – Боже милостивый, не бери Эру мою, меня возьми! Не отдавай нас на посмеянье людям, не бросай на растерзание, о всемогущий Аллах!

На пятый день сразу после полудня Эра покинула белый свет. Черные ресницы ее, не двигаясь, застыли навек.

В Коктерек послали сообщение. Женщины пришли большой группой, выразили соболезнование. Патима, сев в прихожей, уперев руки в бока, скорбно раскачиваясь, начала голосить, напевая:

Ой-ы бо-о-ой! Ой-о-ой! А-а-ай-ай!

От тех шлепков лишь веет сильный ветер,

Беспомощнее нет меня на свете,

Голубушка, чья шерсть нежнее шелка,

Какой недобрый глаз тебя приметил?!

В раю ты, в Гамбурге росла вначале,
 Росла привольно, не узнав печали,
 Ко мне ты, Эра, перешла от Хильды,
 Кто погубил глазливыми очами?
 На Сайрамсу не камни, а точило,
 Не молоко, сметану ты сочила!
 Три языка ты знала, наша Эра,
 Какая злыдня душу омрачила?!
 Ойы-бо-о-ой! Ой-о-о-ой! А-а-ай...

Прибывшие из Коктерека женщины, слушая этот плач, вдруг засмутились. Пощипывая себя за лицо, стали перешептываться между собой.

– Какой позор! Ведь женеше траурный плач заводит, а мы, заходя в дом, не удосужились голос подать!

– Действительно!

– Какие черствые мы стали, какие немилосердные!

Услышав, какими репликами обменялись растерянные женщины, Натибек, пройдя к выходу, вдруг вскипел и сказал:

– Что за причитание ты устроила здесь, что за глупости? – и хотел добавить: «Если кому-то надо умирать, то пусть умирает скот, пусть скот все напасти заберет с собой».

Но сказать не решился.

В последний раз переночевала на полностью механизированной ферме корова Эра. А наутро была захоронена среди холмов и густых зарослей кустарника.

Перевод Мурата Ергалиева.

Мархабат Байгут родился в 1945 году. Окончил филологический факультет Казахского государственного университета. В разные годы увидели свет тринадцать сборников его рассказов и повестей, четырехтомник прозы и трехтомник избранных произведений.

Рассказы писателя включены в школьные хрестоматии. Сборник рассказов «Дауыстың түсі» переведен на турецкий язык, отдельные повести и рассказы – на русский, узбекский, кыргызский, саха, каракалпакский, украинский языки.

Размышления писателя и общественного деятеля представлены в его книгах «Я скучаю по тебе», «Полуденное настроение», литературные эссе о творчестве мастеров казахской словесности публиковались в республиканской прессе. Перевел на казахский язык произведения Ч. Айтматова, В. Шукшина, А. Кима, В. Ирвинга, Ю. Покальчука.

Лауреат Международной литературной премии «Алаш» (1996) и Международной премии «За заслуги перед тюркским миром» (2016).

